

Я заметила его, как только вошла в троллейбус. Высокий, плечистый, в коричневой кожаной куртке, он изо всех сил старался не обращать на меня внимания. Сел неподалеку и увлеченно смотрел в окно, решив, что темные очки скроют его безусловный интерес к моей особе.

«Что ж ты так глазоньки-то скосил?» — с усмешкой подумала я и стала пялиться на его затылок. Парню это не понравилось, он начал ерзать и смотреть в окно с еще большим старанием.

Я подавила тяжелый вздох, сомнений быть не могло: это тот самый молодчик, и явился он по мою душу.

Впервые он попался мне на глаза пару дней назад. Было около девяти утра, я вышла из здания, где размещалось наше почтовое отделение, и неожиданно замерла на ступеньках. Такое трудно объяснить. Проще назвать это предчувствием. В общем, я замерла на ступеньках с тяжелой пачкой газет, сердце вдруг ухнуло вниз, я повела головой, чутко прислушиваясь, и с трудом сделала следующий шаг, а в мозгу прошелестело: «Они здесь».

Однако улица, кусты возле почты и даже доро-

га напротив выглядели пустынно, привычно и абсолютно безопасно. Я усмехнулась — слово «безопасность» почти два года имело для меня особый смысл. И уж чему я точно не доверяла, так это пустынной улице и ее кажущейся безопасности.

— Ну-ну, — прошептала я и не спеша направилась на свой участок, холодея спиной в предчувствии неизбежного.

Где этот тип отсиживался, я не знала, скорее всего он избрал в качестве наблюдательного пункта соседний подъезд, но, если он собирается продолжить наблюдение, ему придется покинуть свое укрытие, и, с полчаса поплутав между сараями и прочими ветхими сооружениями, в большом количестве имевшимися на моем участке, прошмыгнув в пару проходных дворов и заставив, как видно, изрядно поволноваться новоявленного следопыта, я смогла его засечь: он очень неловко выскочил из-за угла, минуту назад потеряв меня в проходном подъезде, и мы, что называется, столкнулись нос к носу.

Он растерянно отпрянул и исчез за углом, но я успела его разглядеть.

Дальше было проще. Блуждая от подъезда к подъезду и используя кое-какие незатейливые приемы, я смогла еще трижды увидеть кожаную куртку вкуче с ее хозяином.

— Не очень ты ловок, — к концу своего похода заметила я, вновь углядев парня возле кустов боярышника. Боярышник рос в нескольких метрах от здания почты, и, если парень там засядет, он без труда сможет контролировать вход. Очень разумно, по-моему. «Старайся», — мысленно посоветовала я, хлопнула тяжелой дверью и оказалась в кро-

хотном коридоре, или попросту «предбаннике». Отсюда вели две двери, одна на почту, другая в отдел доставки. Я подошла к той, что слева, и нажала кнопку звонка.

Дверь открыла Люда Черняховская, как всегда заспанная и несчастная.

— Ты сегодня поздно, — сказала она лениво.

— Ага, — ответила я, проходя к столу в глубине комнаты.

К счастью, кроме меня и Людки, в отделе доставки никого не было, а Людка разговаривать не любит, она вообще малость заторможенная. Это обстоятельство позволило мне всецело сосредоточиться на мыслях о парне в коричневой кожанке.

«Они меня нашли, — с тоской подумала я, но верить в это, то есть по-настоящему верить, не хотелось. — Интересно, зачем я им понадобилась через два-то года? Опять срываться в бега? А вдруг мне только показалось, вдруг я сама себя пугаю?»

Как же, показалось... И все-таки в тот день в бега я не сорвалась, а, закончив работу, отправилась домой. Ни возле почты, ни по дороге, ни около своего дома парня я больше не увидела. Сие давало робкую надежду на то, что я испугалась зря и окружающему миру по-прежнему нет до меня никакого дела.

Эти надежды на следующий день даже окрепли: я долго бегала по участку, а потом пристально вглядывалась из окна почты, силясь что-то разглядеть в кустах боярышника, но засечь парня ни разу не смогла.

«Я ошиблась», — робко подумала я, ни секунды не веря в такую удачу.

Вечером даже робкие надежды меня покину-

ли. Я выскочила за хлебом в магазин, находящийся на углу в трех шагах от моего подъезда, и сразу же увидела парня: он сидел в синем «Фольксвагене», длинном, старом и каком-то неказистом, увлеченно разглядывая стену дома. Пока я покупала хлеб, «Фольксваген» исчез, но принять это за хороший знак я не решилась.

И вот сегодня утром стоило мне войти в троллейбус, как я вновь его увидела.

«Все-таки они меня нашли», — окончательно поняла я, таращась на его затылок. Парень был мощным, наголо бритым и ужасно меня раздражал. Очень хотелось стукнуть по этому самому затылку чем-нибудь тяжелым.

Словно услышав мои мысли, парень вдруг поднялся и шагнул к двери, правда, покинуть троллейбус не рискнул, привалился к поручню и начал заигрывать с молоденькой блондинкой, которая вошла на остановке. «Ну ты артист», — усмехнулась я, наблюдая за стараниями парня, и решила немного подпортить ему игру: встала и направилась к задней двери, троллейбус как раз остановился, и я вышла, парень тоже, оборвав свою речь на середине фразы, блондинка слегка вытаращила глазки и забыла прикрыть ротик.

Парень кинулся к киоску покупать сигареты, а я направилась к магазину «Оптика». Моему неожиданному бегству из общественного транспорта за две остановки до места работы надо было найти объяснение. Я подошла к дверям магазина, который был еще закрыт, потратила пару минут на изучение расписания его работы, вывешенного тут

же, на двери, взглянула на часы и зашагала в сторону почты.

Парня ни разу не увидела, впрочем, особых стараний я к этому не прикладывала. Без того ясно: он где-то сзади. И так, они меня нашли. Не могу сказать, что очень удивилась: подсознательно все эти месяцы я ждала и знала — в какой-нибудь ничем не примечательный день это случится. Вот и случилось...

С утра в отделе доставки всегда шумно. Сегодняшнее утро не было исключением, я выполняла привычную работу, слушала разговоры других почтальонов, что-то сама отвечала, но думать могла только о парне в кожаной куртке. Он бродит за мной по крайней мере три дня, что, на мой взгляд, совершенно излишне. Следовательно, либо парень всего лишь пешка и ожидает появление лица, которое может принимать решения, либо он вовсе не уверен в том, что я — это я, и, пытаясь в этом разобраться, пока довольствуется слезкой. Терпеливо ждать решения своей участи я никому не обещала, тем более что эта самая участь была predetermined почти два года назад, следовательно, вторая причина вероятнее. Кстати, она и мне самой нравилась больше: пока они заняты выяснением моей личности, у меня остается шанс исчезнуть. Это как раз то, что я собираюсь сделать. Но до поры до времени все должно выглядеть как обычно, чтобы кожаный не беспокоился и не стал проявлять излишнего усердия, да и удрать сейчас просто не получится.

Я подхватила пачку газет и отправилась на свой участок. Ходила от подъезда к подъезду, не оборачиваясь и не торопясь, всем своим видом демонстрируя скуку, навеваемую ежедневной рутинной.

Парень, должно быть, остался доволен: я ни разу не изменила привычный маршрут, а поведением чем-то напоминала заторможенную Людку Черняховскую. Была среда, по средам работы у меня не так много, и на почту я вернулась одной из первых.

Людка пила чай, сидя в уголке за перегородкой, нахохлившаяся, хмурая и явно несчастная.

— Зарплату дадут? — сурово спросила она, сунув мне под нос чашку с горячим чаем.

В ответ я пожала плечами.

— Дадут или нет? — возвысила она голос.

— Чего ты орешь? — вздохнула я. — Я, что ли, зарплату выдаю? Денег у меня кот наплакал.

— У меня их вовсе нет, — обиделась Людка.

— Ну и у меня примерно столько же.

— Но что-то ты об этом думаешь? — не унималась она.

С такими, как Людка, вечная неразбериха: то слова не добьешься, то привяжутся, точно репей.

— Отстань, а? — попросила я.

— Как же — отстань, мне жрать нечего...

— Пей чай, — посоветовала я и пошла к своему столу.

Людка замолчала, сердито сопя в своем углу, и вдруг высказалась — к этому моменту я почти забыла о ее существовании и поэтому от неожиданности даже вздрогнула.

— Тебя парень вчера искал.

— Что? — подняла я голову.
— Что-что, — передразнила она. — Парень.
— Какой?
— Твой, конечно. Расспрашивал.
— Что за парень, как выглядит?
— Почему я знаю? Не меня расспрашивал, а Зою Григорьевну, — Зоя Григорьевна заведовала нашей почтой, — вечером явился. Девки говорят, крутой, кольцо с бриллиантом, морда круглая, аж светится, и на иномарке подъехал. Есть у тебя такой?

— Сегодня еще не было. Хотя иномарка—это неплохо, особенно если морда светится.

— Вот-вот, — проворчала Людка. — Чего тебе зарплату ждать, а тут хоть подыхай, ей-богу, а вот у некоторых иномарки, мужики богатые... Слушай, может, у него друг есть, мне все равно какой, хоть самый завалыщенький, и иномарка без надобности, мне б только пару раз в неделю досыта пожрать, слышь, а?

— Слышу, — кивнула я. — Спрошу, может, дружок и отыщется.

— Ага... Только не забудь, ладно?

— Не забуду, — заверила я, мысленно ухмыляясь. Вряд ли бы Людке пришла охота знакомиться с кем-нибудь из дружков парня, который вчера интересовался мною. Не из тех они людей, с кем приятно иметь дело даже на сытый желудок.

Но Людке я это говорить не стала, пусть немного помечтает, а заодно молча попьет чаю. Зарплату нам не платили уже три месяца, а Людка, как и я, совершенно одинокая, сюда она прибыла из детского дома, находящегося где-то у черта на куличках, ближе к Полярному кругу, и приходилось

ей туго, хотя и была она сызмальства привычной к голодухе.

— Может, дадут, — неожиданно вздохнула она через полчаса, имея в виду зарплату.

Тут в дверь позвонили, появилась Татьяна Елагина со своей сестрой Женькой, тоже почтальоном, и Людка переключилась на них.

А я продолжила пялиться в стену и пыталась напряженно мыслить, но шарики, или что там есть в моей голове, упорно отказывались шевелиться. Озарением даже не пахло, что неудивительно: я была слишком напугана для того, чтобы хорошо соображать.

— Лена, Кудрявцева, — позвал кто-то нетерпеливо, и я вздрогнула.

Лена Кудрявцева — это я. Если быть точной, мне принадлежит только имя, в том смысле, что его мне дали при рождении, фамилию я приобрела сама около двух лет назад при крайне неприятных обстоятельствах и не совсем честным путем.

— Что? — встрепенулась я, надеясь, что некоторая заторможенность покажется коллегам извинительной из-за моей углубленности в работу.

— Тебя к телефону! — крикнула Женька и повертела в руках телефонную трубку — для того, наверное, чтобы я поскорее пришла в себя. Приходить в себя я не спешила: за два года это был первый телефонный звонок, адресованный мне. Неожиданный интерес к моей особе настораживал, а вкупе с парнем в кожанке и вовсе наводил на невеселые мысли.

Я поднялась и на негнущихся ногах шагнула к

телефону. Голос в трубке был мужской, приятный и совершенно незнакомый.

— Да? — пискнула я, пытаюсь вернуть сердце из пяток на его законное место.

— Елена Петровна? — пропел мужчина и повторил еще раз: — Кудрявцева Елена Петровна?

— Да, — вторично сказала я. Вышло еще тише и еще писклявее.

— Моя фамилия Бобров Виктор Степанович, следователь Октябрьского РОВД. Я бы хотел поговорить с вами по поводу вашего родственника, Кудрявцева Михаила Бенедиктовича.

— А что с ним? — насторожилась я, до сей минуты и не подозревавшая, что у меня есть родственник, да еще с таким затейливым отчеством.

Голос на том конце провода приобрел некоторую суровость:

— Это не телефонный разговор. Вы не могли бы прийти к нам завтра, скажем, часиков в одиннадцать?

— Нет, — ответила я. — В это время у меня самая работа, особенно по четвергам. Могу подъехать сейчас, минут через двадцать. Почта, где я тружусь, недалеко от отделения... Или в пятницу, в любое время после обеда.

— Хорошо, — с легкой заминкой согласился он. — Значит, в пятницу, в 14.20, третий кабинет.

Мы тепло простились, а я, порывшись в справочнике, набрала номер Октябрьского РОВД.

— Дежурный, — гаркнули мне в ухо, а я вежливо спросила:

— Могу я поговорить с Бобровым Виктором Степановичем?

— С Бобровым? Его нет...

— А когда будет?

— Не знаю, — отмахнулся дежурный. — Он на больничном...

— Сапожники, — покачала я головой, осторожно положив трубку.

Я имела в виду вовсе не Боброва и даже не дежурного, а дядьку с приятным голосом, ну и, конечно, тех, кто надоумил его позвонить мне.

Цель звонка представлялась более-менее ясной: напугать и заставить шевелиться, то есть предпринять шаги, которые выдадут меня с головой.

«И тогда мир узнает, кто я есть на самом деле», — с усмешкой подумала я, направляясь в туалет. Заперла дверь на щеколду, умылась, вытерлась носовым платком и уставилась в зеркало.

— И кто же ты на самом деле? — тихо спросила я свое отражение.

Лицо женщины лет двадцати пяти выглядело бледным, а взгляд усталым. Губы сжаты, нос слегка заострился, хотя общее впечатление отнюдь не плохое. Это неизменно вызывало недоумение: несмотря ни на что, я выглядела молодо и привлекательно и продолжала удивляться тому, что до сих пор не смогла обнаружить у себя ни одного седого волоса, хотя после того, что случилось два года назад, должна была бы поседеть в одночасье...

— Да, — невесело усмехнулась я, проведя рукой по лицу, и покачала головой. — Ну и кто ты? — повторила я, хмурясь, и сама себе ответила: — Да никто.

Не следовало мне так разговаривать с собой, в подобных разговорах есть что-то упадническое,

истеричное, а главное — они совершенно бесполезны.

— Займись делом, — напомнила я себе. — Кстати, твои дела не так уж и плохи. Если они использовали такой дешевый трюк, чтобы тебя припугнуть, значит, вовсе не уверены в том, что ты — это ты. Следовательно, есть верный шанс смыться, — кивнула я своему отражению в зеркале. Нужно собрать кое-какие пожитки и бежать без оглядки, пока они не поняли, что к чему. — Отличный план, — кивнула я и вернулась на свое рабочее место.

Пожитков у меня немного, и, если я покину родное жилище с небольшой сумкой, это особых подозрений не вызовет. Район я знаю как свои пять пальцев, а мой страж не очень, поскольку за время слежки неоднократно умудрился попасть мне на глаза. «Я уйду, — несколько раз мысленно повторила я, желая внушить себе некий оптимизм. — Возьму самое необходимое: смену белья, теплую кофту, туфли, в конце концов, сейчас весна, а не осень, до зимы где-нибудь осяду...»

Два года назад убежать пришлось в октябре... Я поежилась, воспоминания нахлынули разом и больше не отпускали: мой день рождения, взрыв и бегство...

Мой день рождения обещал быть шумным: пришли родители, мои и мужа, старшая сестра с двумя взрослыми дочерьми, сестра мужа со своим женихом, две мои подруги с мужьями. Целый дом народу. Впрочем, дом был большой, на мой взгляд,

слишком большой для семьи из трех человек, но муж думал иначе... К сожалению, это был не единственный случай, когда наши взгляды расходились.

Мы были женаты уже шесть лет. С моим будущим мужем Антоновым Дмитрием Сергеевичем я познакомилась в Евпатории после окончания школы. Случилось это во время посещения Ботанического сада. Я исправно слушала объяснения экскурсовода и разглядывала листья, стволы и ветки, изо всех сил стараясь ничего не забыть. На одной из аллей разом встретились три группы экскурсантов, и я оказалась рядом с Димкой. Он был старше меня на семь лет, к этому времени за его плечами уже имелся институт и опыт первой неудачной женитьбы. Занимался он компьютерами, не без оснований считая себя в этой области гением, а пока тянул лямку в какой-то фирме.

Из-за толстых стекол очков он взглянул на меня, я на него, и мы дружно улыбнулись. Продолжалось это не меньше пяти минут, потом я покраснела, а он сказал:

— Меня зовут Димой, а вас?

— Алена, то есть Лена, — торопливо ответила я, и далее по аллее мы следовали рядом, не спеша и потеряв всякий интерес к ботанике.

Почти сразу выяснилось, что мы приехали из одного города, Димка заявил, что это судьба, а я просто порадовалась: одно дело познакомиться в Евпатории с молодым человеком из какого-нибудь Красноярска, находящегося в нескольких тысячах километров от моей малой родины, и совсем другое, когда курортное знакомство имеет шанс перерасти в нечто большее. Оно и переросло. В ав-

густе мы вернулись домой, а в октябре, когда мне исполнилось восемнадцать, подали заявление в загс. Далее следовало бы произнести что-нибудь вроде: «Они жили долго и счастливо», но это, к сожалению, не про нас. Димка прожил после данного события только шесть лет, и очень сомневаюсь, что был счастлив все эти годы. Хотя поначалу все шло хорошо. Я училась в институте, Димка работал, и на его зарплату жить было можно, хотя и скромно. Родители разменяли трехкомнатную квартиру на две однокомнатные, и мы получили в свое распоряжение приличное жилье.

Потом родился Ванька. С двумя бабушками, дедушками и таким мужем, как мой, бросать учебу не было никакой нужды, время шло, сын подрастал, а институт я благополучно закончила.

Примерно за год до этого Димка нашел себе новую работу, вскоре в семейной лодке появилась первая трещина, потом их стало чересчур много. Причина была одна: деньги. Не их отсутствие, а, наоборот, их присутствие, причем в очень больших количествах.

Поначалу деньги радовали: можно было болтаться по магазинам и покупать все, что душе угодно. Через пару месяцев восторги поутихли, а в душу закралось сомнение, после чего я дала себе труд подсчитать, сколько мы тратили в месяц. Сумма вызвала легкий шок: лично я с трудом представляла работу, за которую столько платят, и попробовала поговорить с Димкой. Супруг был оскорблен, а я с некоторым опозданием сообразила, что вовсе не являюсь лицом, пригодным для доверительных бесед, скорее даже наоборот: Димка не

только отказался обсуждать со мной данную тему, но посоветовал мне занять свой мозг чем-нибудь более подходящим.

Я задумалась, а подумав и понаблюдав, сообразила, что не только о работе своего мужа, но и просто о том, что он за человек, толком ничего не знаю. То есть с виду все ясно: Димка веселый, общительный, добрый парень, заботливый муж и внимательный отец, только о чем он, к примеру, думает, когда сидит за своим компьютером, а сидит он так часов по двенадцать? Подобные открытия всегда производят впечатление. Так оно и вышло: я безрезультатно пыталась проникнуть в мысли своего супруга, а он старательно противодействовал этому, отшучивался, клялся в любви и рекомендовал не забивать себе голову попусту.

Не знаю, как долго продолжалось бы все это, но однажды Димка вернулся с работы раньше обычного, взъерошенный, дерганный и с порога заявил:

— Забирай Ваньку и поезжай к Верке (так звали его двоюродную сестру, она жила в районном центре и была замужем за тамошним начальником милиции).

— Что случилось? — растерялась я.

— Ничего... Я тебе потом объясню. Собирайся.

Что-то в его поведении вынудило меня подчиниться. Через три часа мы уже пили чай на веранде большого Веркиного дома. Димка улыбался, никакой нервозности и в помине не было, а неожиданное гостевание он объяснил просто: Ванюшка приболел, врачи считают — аллергия, посоветовали на пару недель покинуть большой город. Впрочем, Вере его объяснения были вовсе не нужны:

мы дружили, а человек она хлебосольный и гостям всегда рада.

Через час Димка нас покинул и не появлялся две недели, правда, звонил по нескольку раз в день, старательно делая вид, что ничего особенного не происходит и мы с сыном в самом деле просто гостим у его сестры. Однако делать вид, что все в порядке, я не собиралась, поэтому через две недели, когда муж явился за нами, я спокойно, но твердо заявила, что буду жить у родителей. Поначалу он не поверил, и, только когда я так же спокойно, забрав сына, там обустроилась, Димка впал в настоящее отчаяние.

Так как он и своим и моим родителям твердил, что не видит причин для такого моего поведения, а родители тем более таковых не видели, потому что Димка по всем статьям являлся образцовым мужем, мне пришлось коротко, но доходчиво сформулировать свои претензии. Родители загрустили, втайне не находя их подходящими для развода, а Димкина родня даже обиделась. Супруг, конечно, тоже обиделся и, возвышая голос, разглагольствовал:

— Деньги ей не нравятся... Я их что, ворую? Я их, между прочим, зарабатываю... Вкальываю по двенадцать часов в сутки...

Его речи производили впечатление: причем не только на родителей, я тоже понемногу начала чувствовать себя виноватой. Однако возвращаться к нему не спешила. В конце концов моя стойкость, принятая им за упрямство, вынудила мужа поговорить со мной серьезно.

— Ты думаешь, я жулик или того хуже? — грустно спросил он, а я вздохнула:

— Я думаю, что ни в одной фирме служащим не платят таких денег. Если ты сможешь меня разубедить, я буду только рада.

— Во-первых, я не просто служащий, во-вторых, я — компьютерный гений, надеюсь, это доказывать не надо?

— Не надо, — усмехнулась я. — Гениальность как раз истораживает, знать бы, куда она направлена.

— Ах вот оно что! — Димка поморщился, помолчал, вздохнул и продолжил: — Ты решила, что я занимаюсь чем-то противозаконным?

— А что бы на моем месте решил ты? — запечалилась я.

— Это не так...

— А почему мы прятались у Веры?

Он опять поморщился:

— В тот раз неприятности были у нашей фирмы, а не у меня лично. Я просто перестраховался.

— Какая разница? — удивилась я.

Димка понял, что для меня разницы действительно нет, и загрустил по-настоящему.

— Послушай...

— Не пойдет, — перебила я. — Ты имеешь право рисковать собой, но есть Ванька... в общем, опасности отменяются. Я не люблю боевики, а в жизни мне они и вовсе без надобности.

— Никаких боевиков и никакой опасности. Честно. Ну что я должен сделать, чтобы ты мне поверила?

— Лучше всего найди другую работу, — отрезала я. На этом в тот раз мы и закончили.

Работу Димка нашел, и через две недели после этого события мы с сыном вернулись к нему. Муж бродил по квартире, качал головой и восклицал:

— Отказаться от таких денег... Кому рассказать — не поверят.

В новой фирме работать ему приходилось меньше, а платили, на мой взгляд, очень даже неплохо. Жизнь наладилась, и сомнения остались в прошлом.

Мы получили ссуду в банке и взялись строить дом. Строительство завершилось как раз к моему дню рождения, поэтому два события решили объединить: и день рождения отметить, и новоселье справить. Мама и свекровь пришли пораньше и помогали мне на кухне. К четырем часам собрались почти все, стол накрыли в огромной полупустой гостиной. Мебель пока присутствовала только в трех комнатах: детской, спальней и кухне, но это никоим образом не сказывалось на моем хорошем настроении: мне нравился наш дом, и вообще жизнь радовала.

— Ну что, за стол? — спросил папа, заглядывая в кухню.

— Конечно, — кивнула я, намереваясь идти в спальную переодеться, и тут мама сказала:

— А грибы? И компот. Вишневый, нет, лучше рябиновый. — И я вместо спальни пошла в погреб, пошла потому, что привыкла соглашаться с мамой, хоть и не видела особой нужды ни в грибах, ни в компоте.

Погреб был за гаражом, забавная домушка под

железной крышей. Я направилась в ту сторону. Из-за угла вывернул Ванька на велосипеде:

— Ты куда, мам?

— В погреб.

— А зачем?

— За компотом и за грибами.

Мы достигли погреба: я пешком, а сын — используя трехколесный велосипед как самокат.

Я толкнула дверь, обитую железом, вошла внутрь, нашарила рукой выключатель и зажгла свет. В погреб надо было спускаться по металлической лестнице. С трудом открыв люк, я заглянула вниз.

— Я с тобой, — сказал Ванька.

— Вот только попробуй, — погрозила я пальцем: сын был одет в новый костюмчик небесно-голубого цвета, и после посещения погреба его наверняка пришлось бы переодевать.

— Ну, мама, — закапризничал он.

— Можно подумать, ты никогда не был в погребе, — покачала я головой и сурово добавила: — Марш в дом. Одна нога здесь, другая там. И велосипед убери.

Ванька сморщил нос, но, подхватив велосипед, покатил к дому. Дождавшись, когда он поставит велосипед у крыльца, я, удовлетворенная сыновним послушанием, спустилась в погреб. Хотя в дом мы переехали недавно, погреб, стараниями моей мамы, был забит до отказа. Чертыхаясь, я смогла отыскать грибы, а также трехлитровую банку с рябиновым компотом. Поставила обе банки в сумку и стала осторожно подниматься по лестнице.

В этот момент раздался чудовищный грохот,

земля содрогнулась, я оступилась, чуть не выронив сумку, а крышка люка захлопнулась.

— Господи! — вскрикнула я, бросила сумку и, взбежав вверх, принялась воевать с крышкой. — Что это было? — испуганно шептала я, не в силах найти объяснение подобному грохоту. О землетрясении в наших краях никогда не слышали, и предположения возникали самые фантастические. — А вдруг самолет упал? — ахнула я и удвоила усилия. Крышка наконец подалась, я смогла выбраться на поверхность и шагнула на улицу: остатки того, что несколько минут назад было моим домом, догорали под неярким осенним солнцем.

Я попробовала закричать и не смогла. Вытянула руки по швам и замерла, как солдат на параде в ожидании команды. Взрыв был такой чудовищной силы, что от стен осталась лишь груда обломков, разлетевшихся по всему участку. То, что никто из находившихся в доме просто не мог выжить, было ясно, и все-таки я бросилась к тому месту, где раньше была веранда. Когда я в последний раз видела сына, он поднимался на крыльцо.

Плотная стена огня не позволила сделать даже шаг. Я выла, загораживая лицо руками, и пыталась повторить попытку, но все это было бессмысленно. Я услышала звук сирены, где-то кричали люди, а я, враз осознав, что все кончено, заползла за погреб, равнодушно наблюдая оттуда за всеобщей суетой. Я могла думать только об одном: Ванька хотел спуститься со мной в погреб, а я отослала его в дом. Сама отослала. Если бы я позволила ему спуститься, он бы остался жив...

Я пролежала за погребом часа два, хотя, может

быть, мне так показалось. Странно, но за это время никто не обратил на меня внимания. Появилась милиция, народ прибывал, но все это оставило меня совершенно равнодушной, никого из людей я не хотела видеть. На четвереньках достигла конца участка, выбралась на дорогу и бегом припустилась в сторону рощи, где и сидела до самой ночи. Все, что я тогда делала и о чем думала, вспоминается крайне смутно. Что-то гнало меня прочь из города, дальше от обугленных развалин дома. Уже под утро я оказалась в садовом кооперативе, в доме, принадлежавшем родителям Димки, рухнула на кровать и, кажется, потеряла сознание.

Беспмятство чередовалось с тревожным сном, и в себя я пришла только на третий день. То есть, придя в себя, я не знала, сколько прошло времени, вскочила, бессмысленно кружа по единственной комнате садового домика, и пыталась убедить себя в том, что все происшедшее не более чем дурной сон. Потом отыскала кофту свекрови, натянула ее, потому что погода испортилась и стало холодно, и направилась в город. До него было не более километра, я шла, кутаясь в кофту и зябко ежась, все еще пытаюсь убедить себя в нереальности происходящего.

В кармане кофты завалилось немного мелочи, я шла и зачем-то трясла ее в руке, монетки звякали, а я считала: раз, два, три. Через некоторое время я вышла к троллейбусной остановке и замерла перед газетным киоском: прямо на меня с фотографии смотрел мой сын. Я вздрогнула, судорожно вздохнула и закрыла глаза. Фотография была старой, Ваньке там четыре года. Точнее, фотогра-

фий было две, на одной я, мой муж, мама и свекровь со свекром во время отдыха на турбазе. Фотографировал нас тогда Ванька при помощи моего отца, поэтому в кадр они и не вошли. А вот чуть ниже была помещена фотография сына. Где они ее взяли? Должно быть, у родителей... Только ведь их нет... никого...

— Можно мне газету? — с трудом проговорила я и выгребла из кармана мелочь. Женщина посмотрела на меня с недоумением, но газету поспешно протянула. Схватив ее, я торопливо зашагала в сторону парка. Здесь я устроилась на скамейке и, собравшись с силами, развернула газету. Из статьи, озаглавленной броско и даже поэтично, я смогла кое-что узнать о моем муже. К сожалению, с опозданием. Впрочем, автор статьи честно писал, что достоверных фактов немного, в основном слухи, домыслы и догадки. О взрыве и гибели моих родных было написано более подробно. Чудовищной силы взрыв и последующий пожар привели к тому, что были обнаружены только фрагменты нескольких тел. В результате оперативно-розыскных мероприятий удалось установить, что на момент взрыва в доме находились пятнадцать человек взрослых и один ребенок пяти лет. На сегодняшний день идентифицированы четыре трупа: Антонова Дмитрия Сергеевича, хозяина дома, его отца Антонова Сергея Ивановича, а также Антоновой Анны Сергеевны и Ярославцевой Людмилы Петровны. Я выронила газету, сжав рот рукой. Ярославцева Людмила Петровна — моя мама... Господи... Димка, свекр, Димкина сестра, моя мама и фрагменты тел, по которым пытаются

установить остальных погибших. Этого не может быть... Такого просто не бывает...

Я пялилась на газету и сидела не шевелясь, ничего не замечая вокруг, вне времени и пространства. Потом пыталась еще раз прочитать статью, а главное — понять: что же произошло?

«Все погибли, вот что, — произнес кто-то насмешливо внутри меня. — Осталась только ты. Странно, что ты жива. — Голос противно хихикнул. — Странно, что именно ты. Не очень весело, правда? Все, кого ты любила, мертвы, сама ты сидишь на скамейке, не знаешь, что делать и стоит ли что-то делать вообще: к примеру, пойти и утопиться?»

— Я сошла с ума, — громко сказала я и повторила: — Конечно, я сошла с ума и все это не правду: не может быть Ванька каким-то фрагментом.

Я отложила газету в сторону, встала, сделала несколько шагов и вновь вернулась, забыв, куда и зачем минуту назад собралась идти. Сколько еще времени я провела на этой скамейке, неизвестно, но тут мое внимание привлек мужчина: он, должно быть, уже несколько раз проходил мимо, с любопытством поглядывая в мою сторону. Выглядела я дико, и любопытство прохожего было вполне извинительно, но я вдруг испугалась: вскочила и бросилась бежать. Опомнилась только в универмаге, я стояла возле входа и тарасилась на улицу, судорожно сжимая в руках газету, и через пять минут вновь увидела в толпе недавнего любопытного прохожего.

Не берусь утверждать, что это был тот же самый

человек, но в то мгновение мне показалось, что он, и я бросилась из универмага сломя голову, натываясь в толпе на чьи-то спины и локти, жалобно воя, вызывая недоумение окружающих. Свернула за угол и оттуда стала наблюдать за толпой. Сердце билось в горле, я бессмысленно повторяла: «Он, он» — и пыталась отыскать его в человеческой массе. Через какое-то время смогла успокоиться и даже попыталась рассуждать.

«Мне надо идти в милицию», — подумала я и вскоре в самом деле пошла, тревожно оглядываясь и косясь по сторонам, вокруг были люди, и все почему-то смотрели на меня враждебно. Про милицию я забыла, истерично что-то бормотала и, сама не помню как, вернулась в дачный домик. Рухнула на кровать, закуталась в одеяло, пытаюсь согреться, и в конце концов заснула, а может, просто перестала что-либо соображать и чувствовать.

Возврат к реальности был мучительным. Открыв глаза, я сразу же увидела газету с фотографией Ваньки и заплакала, только тогда по-настоящему осознав, что произошло. В домике было холодно, ночью подмораживало, а прогреться за короткий осенний день домишко не успевал.

Клацая зубами, я прошла к газовой плите и зажгла обе конфорки и духовку, ежась и стараясь поближе придвинуться к огню.

— Не хочу ни о чем думать, — пробормотала я жалобно. — Я хочу спать... — И вернулась в постель. Надо уснуть и спать долго-долго, а когда я проснусь, ничего этого не будет...

Проснулась я от ветра, ночь была темная, страшная, а за окном плакал ребенок.

— Ванечка, — позвала я и подошла к окну, а потом сама себе сказала: — Это ветер...

Приоткрыла дверь и стала смотреть, как, тихо шурша, кружат листья по доскам резного крылечка. От газа в домике стало тепло и света хватало, но болела голова, и соображала я по-прежнему плохо, прислушивалась к шелесту листьев и надеялась услышать голос сына. А услышала чьи-то шаги. Осторожные.

Человек шел по асфальтовой дорожке, разделяющей участки. Внезапно остановился. Я замерла, вся обратившись в слух. Стоял он долго, может, пять минут, а может, и дольше. Потом очень осторожно ступил на тропинку, ведущую к домику. Споткнулся о камень в самом начале тропы: камень этот постоянно вылетал из уготованного ему места, человек об этом не знал, а в темноте разглядеть его не мог. На мгновение он сбился с шага, сделал два торопливых шажка и замер, вероятно тоже прислушиваясь.

Шаги возобновились, такие осторожные, тихие, что в другом состоянии я никогда не смогла бы их услышать. Я закусила губу, чтобы не закричать, и сделала шаг к стене. Мне показалось, что он меня услышал, но это, конечно, было не так, двигалась я бесшумно, потому что человек не насторожился, не замер, прислушиваясь, а продолжал двигаться.

Он подошел вплотную к домику и заглянул в окно. Сквозь щель в перегородке я увидела бледное пятно его лица. Человек замер, должно быть вглядываясь, а я почувствовала вкус крови на губах, тонкой струйкой она стекала по подбородку.

Из-за дощатой перегородки меня он видеть не мог, зато видел комнату, зажженные газовые горелки и кучу тряпья на кровати. В полумраке тряпье вполне можно было принять за лежащего человека. Лицо исчезло, и вновь послышались шаги: он шел к крыльцу. «Запереть дверь», — мелькнуло в мозгу. До хлипкой двери из фанеры несколько шагов, чтобы запереть замок, мне потребуется секунд десять. Мне никогда не сделать эти несколько шагов, и у меня нет этих секунд... Я попыталась сделать шаг, что-то коснулось моих ног, и я сообразила, что это топор. Обыкновенный топор. Он стоял возле лавки с ведрами. Топор имел способность теряться в самый неподходящий момент, например, когда мы затевали шашлыки, и свекор определил ему это место, возле лавки...

Я опустила плечо и вытянула руку, человек поднялся на крыльцо и замер возле двери. Он замер, а я очень медленно выпрямилась. Потом дверь открылась, без скрипа, абсолютно бесшумно, и только шорох листьев да легкий порыв ветра заставили меня вздрогнуть: он вошел. Долго-долго ничего не происходило. Потом он резко шагнул вперед, сделал пару шагов, уже не таясь, и вдруг стал оборачиваться, должно быть в последнюю секунду почувствовав, что за спиной кто-то есть. Он стал оборачиваться, а топор опустился на его голову сам по себе и вроде бы вовсе без моего ведома.

Человек вскрикнул и рухнул на колени. А топор опустился еще раз и, должно быть, еще... Потом выскользнул из моих рук. Я сделала шаг к человеку на полу. Крови не было, по крайней мере,

я ее не увидела, встала на колени и потянула мужчину за плечо, стараясь перевернуть на спину.

Парень был молодой, не больше двадцати лет, бледное лицо с приоткрытым ртом, веки плотно сжаты.

— Господи, я сошла с ума, — жалобно прошептала я и хотела закричать, броситься вон, подалее от всего этого ужаса; тут что-то звякнуло об пол, и я увидела нож. Тонкое, блестящее лезвие в руке парня. — Я не спятила, — трясая головой, сказала я, очень желая убедить себя в этом. — Он убийца, вот что... Он шел меня убить... Главное, что я не спятила, — напомнила я себе и стала шаривать карманы парня. Пистолет был в наплечной кобуре. Я вытащила его и долго держала в руках, потом положила на пол, рядом с собой. В нагрудном кармане куртки лежал бумажник, в нем немного денег. Никаких документов. В кармане брюк ключи. Все это я сложила кучкой рядом с пистолетом. Посидела, раскачиваясь и глядя в лицо парня, потом зачем-то пощупала его шею, ища пульс. — Плевать мне на тебя, — сказала я зло и поднялась. Ноги затекли, всю спину разламывало, и я ни секунды не верила, что смогу сделать хоть один шаг.

Вдруг дверь хлопнула, я вскрикнула, хватая пистолет, и обернулась. Сердце вновь билось в горле, я мгновенно покрылась потом и только через несколько минут поняла: это ветер. Дверь была открыта, и порывом ветра ее захлопнуло. Но резкий хлопок, по-видимому, привел меня в чувство. Я метнулась к кровати, схватила газету, отыскала

сумку на вешалке и сунула туда бумажник, ключи и газету, аккуратно ее сложив.

Я уже взялась за ручку двери, оглянулась, посмотрела на парня и решительно направилась к нему. С трудом стянула куртку, а потом и свитер, зло шипя:

— Заткнись, придурок, я тебя не звала. Слышишь, я вас никого не звала, и заткнись...

Свитер я затолкала в сумку, а куртку надела. Она была мне велика и еще хранила тепло парня, но это уже не имело значения.

Я выключила газ и вышла на крыльцо. Порыв ветра заставил поежиться и запахнуть куртку, а я шагнула в темноту, сжимая в руках пистолет.

Выходить на аллею я не рискнула, через кусты пробралась на соседний участок и бросилась вниз, туда, где на дне обрыва шумел ручеек. Прошла по невидимой в темноте тропинке между кустами смородины и выбралась к калитке. Она выходила к реке, дальше, чуть левее, располагались лодочная станция и домик сторожа, в такую пору, должно быть, пустой.

Впереди горели огни города, я бежала вдоль берега реки, огибая забор коллективного сада, и вскоре оказалась неподалеку от центральных ворот. Ворота были закрыты, а калитка распахнута и тихо поскрипывала на ветру. Я споткнулась в темноте и упала, встала на колени, пытаюсь рассмотреть, что там впереди. Возле ворот горел фонарь, асфальтовая дорожка шла к шоссе, отсюда ее было хорошо видно: ни машины, ни силуэта, который можно принять за человеческий. «Не пешком же он сюда пришел», — зло подумала я и стала про-

бираться вдоль кустов, согнувшись и каждую минуту готовясь рухнуть на землю.

Я потратила на поиски не менее получаса, а нашла машину случайно. Направляясь к шоссе, оглянулась в последний раз, свет фонаря упал на переднее стекло машины, отражаясь в нем: темные «Жигули» стояли вплотную к забору, довольно далеко от центральных ворот, со стороны дороги их тоже вряд ли можно было разглядеть, в общем, мне повезло.

Но торопиться я не стала: устроилась в кустах на холодной земле и еще несколько минут наблюдала за машиной. Сомнения отпали: она пуста. Я нашарила ключи в сумке и осторожно пошла: в одной руке сумка и пистолет, в другой ключи. В темноте долго не могла вставить ключ в замок, потом дверь с чудовищным грохотом распахнулась, а я едва не упала в обморок.

— Чушь, — одернула я себя. — Никакого грохота. Хлопок никто не услышит, даже если кто-то есть рядом, а тут никого нет.

Я села в машину, завела мотор и через секунду выехала на шоссе.

— На машине опасно, — бормотала я, то и дело отбрасывая со лба волосы. — Но сейчас главное — оказаться как можно дальше отсюда.

Эта мысль вытеснила все остальные, и я летела на бешеной скорости по пустынному шоссе до самого рассвета.

Огромное красное солнце показалось над горизонтом и тут же исчезло за плотными облаками. Холодно, неприятно. Печка работала, меня разморило, кружилась голова, а глаза слипались.

Я притормозила у обочины и несколько минут постояла под холодным ветром, пытаюсь прийти в себя. На шоссе все чаще встречались машины, занимался новый день, и мне следовало что-то решить. «Машину придется бросить, — с тоской думала я. — Этот тип ее скорее всего угнал, а если нет — то хорошего тоже мало. Меня найдут...»

За ночь я смогла преодолеть почти четыреста километров. Мне повезло: я благополучно миновала три поста ГАИ. Но везение могло закончиться в любой момент, а продолжать движение с прежней скоростью не получится: днем шоссе очень оживленное, я устала, а сотрудники ГАИ не дремлют. «Дотяну до первого города и брошу машину», — решила я, садясь за руль. Но дотянуть до города не удалось. Лампочка настойчиво замигала, показывая, что бензин на исходе, а я стала высматривать съезд в какой-нибудь лесок: оставлять машину на дороге было бы неразумно.

Съезд нашелся, я смогла преодолеть по грязной проселочной дороге метров сто и остановилась посередине огромной лужи: проехать далее не представлялось возможным. Сдала назад, с трудом выбралась на обочину и выключила двигатель. Потом тщательно обыскала машину, взяла все, что представляло хоть какую-нибудь ценность: старую спортивную сумку в багажнике, детское одеяло, две подушки с заднего сиденья, перчатки и карту области из бардачка, десяток магнитофонных кассет, две пачки сигарет, авторучку и блокнот. В карманах чехлов я нашла бутылку водки и вязаную шапочку. Сложила все в спортивную сумку, бросила ключи под сиденье водителя и пошла

к шоссе. Взглянула на часы и, подумав, вернулась к машине: было еще слишком рано для того, чтобы женщина могла появиться на дороге, не вызвав недоумения. Лучше остаться в «Жигулях» и немного поспать.

Я легла на заднем сиденье, поджав ноги и скорчившись, и сказала себе: «Это все неправда».

Мыслей не было, только холод, тоска и усталость.

Я открыла глаза и сразу перевела взгляд на часы. Полдень. Испуганно поднялась и огляделась. Поле с остатками собранной кукурузы, справа лес, неприятный и уже голый, а за спиной грязная проселочная дорога и шоссе с мелькающими на нем грузовиками. Дождь, низкое серое небо и холодный ветер.

Я выбралась из машины и вдоль кромки леса, шурша опавшей листвой, не торопясь направилась к шоссе. На попутном грузовике доехала до ближайшего города. Потом города мелькали и мелькали, а я рвалась все дальше. Пересаживалась с одной машины на другую, дремала, свесив голову на грудь или отвернувшись к окну, уходя от досужих разговоров. На ночь зарывалась в стог сена, чтобы не замерзнуть, или шла пешком. Потом вновь какой-нибудь грузовик, тепло, мерное покачивание, навевающее покой, недолгий сон. Я отучила себя думать и вспоминать. Тогда важно было одно: скрыться, убежать как можно дальше, туда, где меня никто не знает и не найдет. Те три сотни, что я нашла в бумажнике парня, так и остались нетронутыми: водители попадались щедрые, от денег

отказывались, а я не настаивала. Есть не могла. Как-то раз купила сосисок и чашку кофе, с трудом проглотила кусок, но желудок мгновенно воспротивился этому. Меня долго рвало, потом я сидела в парке какого-то города, смотрела на голубей и пыталась справиться с головокружением.

Через неделю я оказалась на Урале. Шофер «КамАЗа» высадил меня прямо возле автовокзала областного центра, и я пошла в буфет выпить чаю. Шел снег, липкий и еще не настоящий, а я была в туфлях, которые за неделю скитаний почти развалились. Я простудилась, жутко кашляла, глаза слезились, и в целом выглядела по меньшей мере не-лепо.

Я вошла в буфет, взяла стакан чаю и устроилась поближе к батарее. В буфете было пустынно, женщина за высокой стойкой с недоумением посмотрела на меня, потом на мои ноги. Колготки были грязные и рваные в нескольких местах. Одно хорошо: бомжи нынче не редкость. Но мною мог заинтересоваться какой-нибудь чересчур бдительный страж порядка. Документов у меня нет, зато в сумке спрятан пистолет. «Надо уходить отсюда, — с тоской подумала я. — Вокзал — самое опасное место, полно милиционеров». С трудом оторвавшись от батареи, я покинула буфет, достигла лестницы и спустилась вниз, заметив стрелку с надписью «Туалет». Он тоже был пуст, двери нескольких кабинок заперты, остальные распахнуты настежь. Я умылась теплой водой, потом прошла в кабинку, сняла колготки и вернулась с ними к умывальнику с намерением простирнуть, и вот тогда увидела сумку. Обыкновенную дамскую сумку, она

висела на крючке и была расстегнута. Я смогла увидеть две вещи: носовой платок и уголок красной обложки. «Паспорт», — мелькнуло в голове. Я посмотрела в зеркало: никого. За перегородкой женщина выговаривала кому-то:

— Деньги с людей берете, а бумаги нет, что за безобразие?

Ей ответили сразу два голоса, высоких и сердитых. Должно быть, отношения с работниками вокзала выясняла хозяйка сумки. Очень спокойно я протянула руку, вынула паспорт и положила в карман куртки вместе с колготками. Потом взяла свою сумку и, стараясь не спешить, покинула туалет. Высокая молодая женщина как раз закончила пререкания, и мы столкнулись в узком коридоре. Не знаю, чего я ожидала, — может быть, криков «Караул!», «Держи ее!», — но никто не закричал и не схватил меня.

С трудом сдержавшись, чтобы не броситься бежать со всех ног, я вышла на площадь и, не оглядываясь, заспешила к железнодорожному вокзалу. Он был метрах в пятистах от автобусного. Там опять спустилась в туалет, выстирала колготки и кое-как смогла их высушить. Потом извлекла из кармана паспорт и осторожно его пролистала.

По иронии судьбы хозяйку паспорта звали Еленой, так же как меня. Пожалуй, это все, что было между нами общего. Я всмотрелась в лицо на фотографии. Снимок явно неудачный: женщина глупо тарасила глаза, крепко сжав узкие губы, точно кто-то смертельно ее напугал. Я вздохнула и спрятала паспорт. Что ж, возраст подходящий, женщина не замужем, бездетна, а в остальном... другого

паспорта все равно нет. Оставаться на вокзале с чужим паспортом я не рискнула и, немного отогрившись, вышла на улицу. До объездной дороги было остановок пять автобусом, я пошла пешком, чтобы не замерзнуть в долгом ожидании транспорта, и с тоской подумала о вокзале: лечь бы в тепле на лавку, вытянуть ноги... Я остановилась посреди улицы и впервые с удивлением подумала: куда я еду, а главное — зачем? Усмехнулась, покачала головой и зашагала быстрее: холодный ветер проридил насквозь. «Надо ехать, — напомнила я себе. — Дальше, как можно дальше».

Я миновала перекресток, заметила грузовик, махнула рукой, и машина с огромным прицепом тяжело затормозила. Я с облегчением вздохнула и полезла в кабину. Мужчина, немолодой и лысый, смотрел на меня с любопытством.

— Куда путь держишь? — спросил он весело.

Я назвала ближайший областной центр.

Шофер присвистнул, с сомнением покосился на мои туфли и сказал: — А я думал, ты на юг собралась.

— Нет, я с юга. Не совсем, конечно, но дома у нас еще тепло.

— А откуда ты? — заинтересовался шофер, проявляя нормальное любопытство, а вовсе не подозрительность.

— Из Рязани, — наугад ответила я.

Дядька опять присвистнул.

— Эко тебя занесло... По какой надобности?

— Так... в гости, — туманно ответила я.

— Ага. — Он еще раз внимательно посмотрел и спросил: — К мужу едешь, на свидание?

Я усмехнулась, но кивнула в знак согласия, и

шофер тоже кивнул, как видно все разом для себя уяснив.

— Сегодня не доберешься, — сказал где-то минут через десять. — Я только до Семеновки еду, это поселок, восемьдесят километров отсюда. Я там живу, а работаю в городе, вот решил домой заглянуть.

Я слушала и кивала время от времени, радуясь, что самой говорить не приходится, глаза слипались, а я с облегчением подумала, что восемьдесят километров — это довольно далеко...

— Жена у меня в больнице, в городе, — продолжал болтать шофер. — Хозяйство без присмотра осталось, вот еду проверить.

— А дети? — спросила я, чтобы создать видимость разговора.

— Детей нет. Жена-то мне не жена вовсе, то есть живем просто так, без росписи... у нее сын в армии, второй год... Угнали к черту на кулички... — Он еще что-то говорил, но я уже не слышала. Очнувшись, когда машина остановилась, удивленно огляделась, не сразу сообразив, где нахожусь.

Машина стояла возле какого-то забора. Протерев глаза и присмотревшись, я смогла различить одноэтажное строение с темными окнами, крыльцо и собачью будку. Мотор работал, но шофера в кабине не было. Тут дверь распахнулась, и появилась его голова, дядька хитро подмигнул и спросил:

— Проснулась?

— Да. Где мы?

— В Семеновке.

Я посмотрела на часы: половина восьмого. Страшная темень, отсутствие фонарей, а также,

что очень вероятно, и какого-либо вокзала. Значит, придется шагать всю ночь. Я вздохнула и, подхватив сумку, выбралась из кабины.

— Спасибо! — крикнула я дядьке, не видя его из-за машины.

Он вынырнул откуда-то сбоку, посмотрел с недоумением и спросил:

— Ты куда?

— На дорогу, — ответила я, не испытывая ни малейшего желания поддерживать разговор.

— На дорогу, — хмыкнул шофер и даже покачал головой. — На какую дорогу? Ты глянь, что делается: мороз, а ты в туфлишках. Заходи в дом...

Проще всего было бы послать его к черту, но в теплой кабине меня разморило, очень хотелось спать, я туго соображала спросонья, поэтому все еще стояла с сумкой в руках.

— Спасибо, — ответила я лениво. — Только мне это не подходит. Всего доброго...

— Эй, да подожди ты. — Дядька вроде бы рассердился. — Не о том я... Переночуешь, а завтра я тебя с мужиками отправлю до областного центра. Сейчас ты все равно ни на чем не уедешь, у нас здесь не Рязань...

Конечно, он был прав, я вздохнула и пошла к калитке, представила, что буду спать в настоящей постели, и ощутила что-то вроде блаженства. Правда, был еще дядька...

«Ну и что, — с неожиданным равнодушием решила я. — Начнет приставать — я его убью».

Не знаю, смогла бы я в самом деле его убить, но делать этого, слава богу, не пришлось.

В доме имелось паровое отопление, должно

быть, в отсутствие хозяев кто-то из соседей приглядывал за домом, потому что было тепло.

— Проходи, — сказал дядька. — Зовут меня, кстати, Петр Васильевич. А тебя?

— Лена.

— Ага, давай-ка, Елена, пошарь в кухне, авось чего найдешь, да и в сумке тоже, прихватил кое-что из города.

Хозяин принес два ведра воды и опять куда-то исчез. Вернулся он только через час. Я с удивлением на него посмотрела: мокрые волосы, полотенце на плече.

— В бане был, — пояснил он в ответ на мой взгляд. — Просил соседей натопить. Беда в этом городе, все никак не привыкну... Если хочешь, сходи, баня в огороде, вода есть...

— А соседи? — спросила я.

— Что — соседи? Ты ж на всю улицу кричать не будешь. Темно, тебя и глазастый не углядит, да и бог с ними, с соседями.

Уговаривать меня не пришлось, через пять минут я уже была в бане. Топили ее утром, и особого жара сейчас не было, я сидела на лавке и плакала от счастья, а может, не от счастья вовсе, а от страшной тоски. В голове бродили странные мысли, и одна из них меня поразила, потому что подумала я тогда вот что: «Я живая». Вот так и подумала. Не то чтобы очень обрадовалась, просто поняла, осознала.

А потом вернулась в дом. Петр Васильевич сидел за столом в кухне и допивал поллитровку. Посмотрел на меня внимательно и головой покачал:

— Надо же...

— Что? — не поняла я.
— Не разглядел тебя как следует в машине... да и здесь в доме... Сколько годов-то тебе?

Я вспомнила про ворованный паспорт.

— Двадцать семь.

— А муж-то давно?..

— Давно. Вы мне скажите, где можно лечь?

— Да вон хоть на диване. Я в спальне сплю, храплю сильно, но из большой комнаты ты не услышишь.

— Храпите на здоровье, — усмехнулась я.

— Может, выпьешь? — предложил он.

— Спасибо. Не пью. Желудок больной. Чаю, если можно...

— Ужинай, не стесняйся, — кивнул Петр Васильевич и, вылив остатки водки из бутылки в стакан, достал из холодильника еще одну поллитровку.

— Вам же завтра ехать, — заметила я. — Или на дорогах здесь попроще?

— Вечером поеду, — махнул он рукой. — Выхожусь...

Он выпил, посидел молча, глядя в пустой стакан, и тяжело вздохнул:

— Беда у меня... Помрет моя Наталья. Сегодня врач сказал — рак у нее. Вот такие вот дела...

Я молчала, не зная, что на это ответить.

— Третий раз жизнь по новой начинать... С одной жил — разошлись, я-то все по командировкам, ну... вышло дело... да... С Натальей хорошо жили, и вот тебе. Дом этот на ее сына записан, весной вернется с армии, а мне куда? В сорок семь лет много не набегаешь.

— Может, не все так плохо у вашей Натальи, иногда чудеса случаются...

— Может, — кивнул он. — Только врач сказал — полгода, не больше. Дела... Я тут малость посижу, а ты меня утром часов в шесть разбуди, мужики в семь выезжают, надо успеть их перехватить, на дорогу выйти.

— Разбужу, — кивнула я и пошла в комнату.

Я думала, что усну мгновенно, но долго не могла сомкнуть глаз. Таращилась в потолок и думала: о себе, о Петре Васильевиче, о неведомой Наталье. В полночь хозяин пошел на двор, загремел ведрами, а потом долго не возвращался. Я поднялась и, накинув куртку, вышла в сени. Хозяин расположился прямо на холодном полу, с босыми ногами и расстегнутой до живота рубашке. Богатырский храп возвещал о том, что сон его крепок. Покачав головой, я с великим трудом его растолкала, помогла подняться и отвела в спальню. Потом вернулась на диван и через пятнадцать минут, кажется, уже спала.

Проснулась ровно в пять. Долго смотрела в темноту за окном. Оделась и вышла проведать хозяина: спал он крепко и просыпаться явно не собирался. Я зажгла настольную лампу, подошла к шифоньеру, открыла дверцы и внимательно осмотрела содержимое. К счастью, у нас с Натальей был почти один и тот же размер. Главное, что меня интересовало, — обувь. Сапоги нашлись, изрядно поношенные, но крепкие. Зимнее пальто, шарф, белье, старенькие джинсы, должно быть, остались от сына. Я аккуратно сложила вещи в сумку и без особой спешки покинула дом.

В утреннем сумраке поселок выглядел уныло. Дойдя до конца улицы, я остановилась, пытаюсь

сориентироваться. Нужное мне шоссе оказалось метрах в пятистах от этого места, но выбралась я на него не сразу, зато здесь мне повезло. Из-за поворота появился выдавший виды «газик», затормозил, я села рядом с водителем, не особенно интересуясь, куда он держит путь. Сейчас главное — убраться подальше от этого поселка...

— Кудрявцева, спишь, что ли?

Я вздрогнула, оторвавшись от созерцания стены.

— К телефону.

— Ты сегодня нарасхват, — заметила Люда.

— Точно, — кивнула я. Голос мужской.

— Вы Елена Сергеевна? — вкрадчиво спросил невидимый собеседник, а я усмехнулась:

— Елена Петровна, а вы кто?

— Петровна? Выходит, у меня неверные сведения.

— Выходит. Вы куда звоните, может, у вас и телефон неверный?

— Может быть, — хмыкнул он и повесил трубку.

«Нет, ребята, — подумала я. — Такими звонками на мои нервы воздействовать трудно...» Однако домой скорее всего идти опасно, там могут ждать... Если они ведут себя так по-дурацки, значит, не очень уверены в том, что Кудрявцева Елена Петровна — это я и есть. Хотя, возможно, я их недооцениваю. Я продолжала стоять возле телефона, тупо его разглядывая.

— Чего там? — спросила Людка.

— Где? — хмыкнула я.

— Ну там, откуда тебе звонят.

- Там все нормально.
- А зарплату не обещают?
- Нет.
- Жаль. Слушай, это тот тип, который здесь вертелся, ну, крутой?
- Этот не крутой, этот глупый. Ты домой собираешься?
- Я к тебе в гости собираюсь, сама звала чай пить.
- Чаю напьешься здесь, гости отменяются, дела у меня.
- Тогда я вечером зайду.
- Заходи, только меня дома не будет.

Я вышла в коридор и немного посидела там на подоконнике. При известной ловкости незаметно покинуть почту можно, главный вопрос: стоит ли заходить домой? Домом я называла крохотную комнатенку в коммуналке. Темную, сырую и холодную. Но и ей я была очень рада.

В этот город я прибыла к концу второй недели своего бегства. Меня покачивало от слабости, от голода и постоянного недосыпания, в голове все путалось, я с трудом понимала, кто я и где нахожусь. Умылась в очередном туалете очередного вокзала и побрела по прямой как стрела улице с неизвестным мне названием, совершенно не представляя, куда я направляюсь, и тут детский голос позвал:

— Мама!

Я резко обернулась и замерла как вкопанная: прямо передо мной стоял Ванька. В белой с чер-

ными пятнышками шубке и забавной черной шапке с ушками. Колени у меня начали подгибаться, и я едва не осела в снежную жижу на асфальте. Появилась женщина, взяла мальчика за руку, и они пошли в сторону универмага, а я стояла и смотрела им вслед. Потом потрясла головой и отыскала скамейку, села, с полчаса разглядывала свои ноги в ворованных сапогах. Мне стало совершенно ясно: я достигла конечного пункта своего бегства. Дальше бежать не имело смысла, да и не смогу я больше. К тому же здесь жил Ванька, пусть не мой, совсем не похожий и, возможно, с другим именем, — это не имело значения.

Как начать новую жизнь в этом совершенно чужом городе — в ум не шло. Я поднялась со скамьи и торопливо зашагала по широкой улице вперед и вперед. Надо согреться, к тому же на ходу лучше думается. Я прошла пару кварталов, свернула в переулок и неожиданно остановилась перед зданием почты — мое внимание привлек листок бумаги на двери: «Требуется почтальон». «Почему бы и не рискнуть?» — подумала я и решительно взялась за ручку двери.

Поначалу заведующая особого интереса к моей особе не проявила, взглянула вскользь и спросила не без удивления:

— На работу? Платят у нас мало... и не всегда вовремя. А работа... по гололеду набегаешься.

— Выбирать мне не приходится, — пожалала я плечами. — Возьмете?

— Трудовая книжка у вас с собой?

— Нет, — ответила я, поняв, что напрасно рас-

считывала на удачу. — Обещали выслать, но, если честно, я на это не очень рассчитываю.

— Да? — Женщина села, кивнула мне на стул и посмотрела внимательно. — Откуда?

Кудрявцева Елена Петровна, чей паспорт лежал у меня в сумке, была из Самары.

— Далековато, — кивнула женщина. — А к нам какими судьбами?

Я усмехнулась и ответила:

— Из-за несчастной любви. Тяжело стало в Самаре, так тяжело, что ждать трудовую книжку я не стала. Вы сами сказали: Самара далековато отсюда, вот это мне и нравится.

— Здесь родственники?

— Нет. Я пару часов назад приехала, все вещи со мной.

Она покосилась на мою сумку:

— Не густо... Что ж, паспорт, надеюсь, есть?

— Есть.

— А какие-нибудь проблемы?

— Остались дома.

— Почтальоны разносят пенсии. Большие деньги...

— Я не украду, — сказала я и посмотрела ей в глаза.

— Жить где думаешь? — после долгой паузы спросила женщина.

— Немного денег у меня есть, подыщу что-нибудь. Мне сейчас главное — с работой решить.

— Считай, решили. Выходи хоть завтра, девочки объяснят, что к чему, особой мудрости не требуется... Завтра и заявление напишешь, если не передумаешь.

Всю ночь я бродила по городу, заходя в подъезды погреться. Спать на вокзале опасно, да и не спалось мне в ту ночь. В семь часов утра я была уже возле почты. А к вечеру заведующая подошла ко мне и спросила:

— Жилье нашла?

— Нет. Ночевала в гостинице, но для меня это дорого.

Она придвинула к себе телефон, набрала номер и заговорила:

— Валь, ты комнату еще сдаешь или уже живет кто? Девушку тебе нашла... ага... Сейчас прислать? — написала адрес на листе бумаги и протянула мне.

— Спасибо, — удивилась я.

— Не благодари, сначала глянь, что там за конура.

Насчет конуры она была права. Одиннадцатиметровка в коммуналке, узкая, темная. Двое соседей: безногий выпивоха лет шестидесяти по имени Семен Михайлович и женщина неопределенного возраста со смешной фамилией Бякова. Райка Бякова лет пять нигде не работала, но к обеду появлялась на кухне уже навеселе, с Семеном Михайловичем они то вместе пили, то отчаянно дрались. В моей комнате совсем недавно жил бывший супруг той самой Вали, которой звонила заведующая почты. Супруг упал с лестницы по пьяному делу и сломал шею. Комната отошла дочери и теперь сдавалась. Сделать в ней ремонт не удосужились, и она все еще хранила следы бурной жизни прежнего хозяина. Черный потолок, часть окна забита фанерой: на стекла, должно быть, денег не хватило, а дневной свет был без надобности. Обои в жутких

разводах стояли на полу, в некоторых местах слегка соприкасаясь со стенами. Мебель соответствовала общему виду жилья, зато просили за комнату копейки, и я сразу же согласилась. Черные потолки и разводы на обоях меня не волновали.

Весной хозяйка принесла обои, а мы с Людкой произвели в комнате ремонт. Как поощрение за старательность мне выдали занавески на окна, скатерть и покрывало на кровать. Жизнь вроде бы налаживалась. Паспорт вопросов не вызвал, а фотография как будто вовсе никого не интересовала, точнее, ее несходство с моей физиономией. Правда, заведующая ко мне приглядывалась, и это позволяло думать, что рассказанная мною история вызвала у нее подозрения, но время шло, и все утряслось само собой. Только не для меня. Когда появилась крыша над головой и даже работа, на смену страху пришла лютая тоска. Дни шли за днями, я что-то делала, разговаривала с людьми, ждала зарплату, ходила в магазин и не могла понять: зачем все это? Неужели это моя жизнь? Завтра, послезавтра и еще много-много дней.

Вечерами я лежала на диване, уставившись в потолок, и думала: зачем судьбе было угодно, чтобы я в тот миг спустилась в погреб? Было это спасение или наказание, чтобы я до конца своих дней мучилась и решала: зачем?

В моем случае время оказалось плохим лекарем, боль не исчезала, заставляя себя жить с каждым днем становилось все труднее. Я не могла пожаловаться на людскую черствость, напротив, ко мне все как будто неплохо относились, и девчонки на работе, и даже соседи-пьяницы, но мне это